



**Шейх**  
ЦВЕТОК ПОВЕРЕЖЬЯ  
Книга 2

Анастасия Леманн

18+

# **Анастасия Леманн**

## **Шейх. Цветок побережья. Книга 2**

*<https://litres.ru/74056536>*

*SelfPub; 2026*

### **Аннотация**

Амир считается мёртвым — для всех, кроме самого себя. Год он живёт с новым лицом и старой болью, пока Ирис оказывается в руках предавшего их обоих Акбара: плен, насилие, потеря ребёнка, нищета. Когда пути наконец пересекаются, за спиной — год ада и пепел сожжённого прошлого. Впереди — лечение, возвращение, семья. Но тень дворца не отступает: смерть шейха грозит обнажить тайну, которую Амир поклялся закрыть навсегда. История о том, как из предательства, потери и боли собирают что-то настоящее.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| ПРОЛОГ.                           | 4  |
| ГЛАВА 1.                          | 8  |
| ГЛАВА 2.                          | 14 |
| ГЛАВА 3.                          | 18 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 21 |

# Анастасия Леманн

## Шейх. Цветок побережья. Книга 2

### ПРОЛОГ.

АМИР

Виски — два пальца, без льда. Второй стакан за час. Третий будет через десять минут, потому что на сцене танцует девчонка с тёмными волосами, и каждый раз, когда она поворачивается, я вижу — нет. Не она. Глаза другие. Рот другой. Всё другое.

Но волосы — похожи. И от этого сходства меня выворачивает.

Год. Ровно год с тех пор, как я умер. Для неё, для всех — умер. Нашли мёртвым в тюремной камере, опознали, закрыли дело. Шейх Абдулла, вероятно, выдохнул с облегчением — проблемный сын больше не проблема. Гера, наверное, открыла бутылку чего-нибудь дорогого и выпила за успех.

А я — жив. Собран по кускам, склеен, сшит. Новые документы, новое лицо (шрам на скуле — подарок от тех, кто должен был меня убить, но не доделал работу). Новая жизнь — если это можно назвать жизнью.

Халиф — мой нынешний партнёр, потный толстяк с вечной салфеткой у лба — наклонился ко мне через столик.

— Девочка огонь, Амир! Можешь брать её каждый день, а у меня жена ревнивая!

— Зачем тогда живёте вместе?

— До свадьбы красавица была! Сейчас разнесло, ворчит с утра до ночи...

— Так назвать свою жену. Дурак ты, Халиф. Это же твоя женщина.

Он обиделся. Мне было плевать.

Я смотрел на танцующую девчонку и думал о другой. О той, которая стала женой моего лучшего друга. Моего брата. Акбара — с которым мы резали пальцы и смешивали кровь, когда нам было пять и шесть. С которым бегали по дворцовым коридорам. С которым дрались бок о бок, когда на меня напали ночью.

Акбар. Брат.

Предатель.

Он забрал её. Мою Ирис. Ту, без которой я не мог дышать. Ту, ради которой украл с собственной свадьбы, ради которой готов был отдать всё — деньги, свободу, жизнь.

Она — с ним. Добровольно. Вышла замуж. Так мне сказали. Так я поверил.

А ведь она клялась. Смотрела в глаза — огромные, миндалевидные, с золотистым отливом, мамины глаза — и говорила: «Я люблю тебя». И я верил, как мальчишка, как дурак.

Стакан опустел. Я поставил его на стол и сжал кулак — медленно, до хруста.

Я убью его. Рано или поздно — убью. За неё. За предательство. За то, что взял единственное, что у меня было.

А она? Что с ней?

Спит с ним? Так же отдаётся ему, как отдавалась мне — доверчиво, с закрытыми глазами, с этим тихим вздохом, от которого я терял рассудок?

Я налил третий стакан. Рука не дрожала — давно отучил.

Год. Год я пытаюсь её забыть. Вином, женщинами, работой, ненавистью. Ничего не помогает. Она — во всём. В каждой тёмноволосой девчонке на сцене. В запахе мёда. В звуке волн. В тишине — особенно в тишине.

Ирис. Цветок. Моя.

Или — уже не моя.

Допил виски. Погасил сигарету. Встал.

Девчонка на сцене закончила танец. Повернулась к залу — молодая, яркая, с огромными глазами. Не Ирис. Но глаза — почти. Почти.

Я вышел на воздух. Ночь. Петербург — мокрый, серый, чужой. Мой город теперь — вот этот. Не дворец отца, не золотые стены — мокрые крыши и фонари. И где-то здесь, в этом городе, — она. С ним. С моим бывшим братом.

Амулет. Я отдал ей амулет — мамин, единственный. Значит, он сейчас на ней. На её груди. Рядом с сердцем, которое бьётся для другого.

Или нет?

Год — это много. Год — это достаточно, чтобы ненависть выжгла всё. Но она не выжгла. Не смогла. Под пеплом — угли. И они горят. До сих пор горят.

Ирис. Я найду тебя. Не знаю зачем — спасти или уничтожить. Отомстить или простить. Не знаю.

Знаю одно: я найду.

# ГЛАВА 1.

## ИРИС

Темнота. Запах — кислый, затхлый, земляной. Холод — такой, что зубы стучали, хотя я сжимала челюсти изо всех сил.

Я открыла глаза — и не увидела ничего. Темно. Абсолютно, непроницаемо. Потом — по мере того как зрение привыкало — проступили контуры: низкий потолок, стены (бетон? кирпич?), лампочка под потолком — тусклая, мигающая.

Руки. Наручники. Запястья — стёрты, саднят.

Аэропорт. Выстрелы. Мидас — кровь на груди, «уходи!». Мешок на голове. И — темнота.

Сколько прошло? Час? Сутки? Я не знала. Тело — ватное, чужое, как после болезни. Во рту — горечь. На шее — амулет. Тёплый. Единственное тёплое.

— Очнулась?

Голос — из темноты. Мужской, с акцентом. Ломаный русский.

Лампочка мигнула ярче, и я увидела его. Стул напротив, метрах в трёх. На стуле — мужчина. Молодой, может, тридцать. Лицо — из тех, которые запоминаешь не потому, что они особенные, а потому, что от них хочется отвернуться. Красивое лицо — и мёртвые глаза. Чёрные, блестящие, как у насекомого. Без выражения. Без жизни.



— Пришла в себя? Малышка, не бойся! Твой папочка заплатит — и поедешь домой.

Он улыбнулся — и от этой улыбки мне стало хуже, чем от холода, наручников и темноты вместе взятых.

— Кто ты?

— Арес. Не слышала? Амир не рассказывал? Обидно. Мы же почти родственники — я брат его жены. Бывшей жены. Или нынешней. Сам чёрт не разберёт в его бабах.

Арес. Брат Зарины. Тот, о ком говорил Амир: «Опасный человек». Тот, ради которого — обмен.

— Ты ошибся, — мой голос — хриплый, чужой. — Амир меня не выкупит. Мы расстались.

— Расстались? — Арес рассмеялся. — Милая, он за тебя все свои слитки отдал. Ты что, не знала? Думала, он просто так тебя отпустил?

Слитки. Обмен. «Это план, Ирис. Не предательство».

— Где Мидас?

Арес поморщился.

— Голубоглазый? Живучий оказался. Три пули — и всё ползёт. Не переживай, долечат. Если найдут вовремя.

Он встал. Высокий, худой, двигался мягко — как Мираж, как тигрица. Подошёл ко мне. Я прижалась к стене — бетон, холодный, мокрый.

— Не трогай меня.

— А то что?

— А то — пожалеешь.

Он рассмеялся — и схватил меня за волосы. Резко, больно, так что голова запрокинулась и я увидела потолок — грязный, с трещинами, с той самой мигающей лампочкой.

— Ты мне нравишься, малышка. С характером. Амир таких любит. Знаешь, может, я тебя себе оставлю? Как думаешь?

Его лицо — близко, в десяти сантиметрах. Запах — одеколон и что-то ещё, кислое, нездоровое. Мёртвые глаза — вблизи ещё страшнее: как два колодца, на дне которых — ничего.

Он дёрнул меня вверх, поставил на ноги. Я стояла перед ним — в мятом платье, босиком, с наручниками на запястьях. И думала только одно: амулет. Он на мне. Бэллин амулет. Мама Амира не сломалась — и я не сломаюсь.

— Арес, — голос из-за двери. Мужской, властный. — Хватит. Она мне нужна целой.

Арес обернулся — и я увидела, как изменилось его лицо. Из хищника — в шакала. Из зверя — в трусливую собаку, которая скалится, только пока хозяин не видит.

— Акбар, я просто...

— Я сказал — хватит. Девчонка идёт в уплату долга. Моего долга. Не твоего. Ты своё дело сделал — получишь расчёт. А её — не тронь.

Дверь открылась. В проёме — мужчина. Высокий, широкоплечий, с лицом, которое когда-то было красивым, а сейчас — жёстким, как высеченным из камня. Карие глаза —

не мёртвые, как у Ареса, но и не живые. Глаза человека, который видел слишком много и перестал чувствовать.

Акбар. Друг Амира. Тот самый мальчик, который когда-то принёс лепёшку десятилетнему Амиру, пока тот сидел на полу и не говорил. Тот, кто встал перед охранником и сказал: «Мой брат. Не тронь». Тот, кто клялся: «До конца».

Я этого ещё не знала. Но скоро — узнаю.

— Пошли, — Акбар кивнул мне. — Нечего тебе здесь сидеть. Идёшь со мной.

— Куда?

— Подальше от этого, — он кивнул на Ареса, не удостоив его взглядом. — Не бойся. Я не кусаюсь. Пока.

Арес стоял у стены и смотрел — с тем выражением, с каким побитая собака смотрит на того, кто отобрал кость. Ненависть, бессилие и страх — в одном коктейле.

Акбар вывел меня в коридор — длинный, тёмный, с запахом сырости. Шли молча. Его рука — на моём локте, направляющая, но не жёсткая.

— Мидас жив?

— Не знаю. Его увезли.

— Кто вы?

Акбар остановился. Посмотрел на меня — сверху вниз (он на две головы выше).

— Друг Амира. Бывший друг. Мне нужно, чтобы ты поехала со мной. В Эмираты.

— Зачем?

— Потому что здесь тебя убьют. А там — нет. Потому что ты носишь ребёнка Амира.

Мир качнулся. Стены — вбок, потолок — вниз. Акбар перехватил меня — его рука, жёсткая, цепкая.

— Осторожнее. Ребёнок.

— Какой ребёнок? Я не...

— Беременна. Да. Ты ещё не знаешь, но я — знаю. Зарема сказала. Она видела по тебе — ещё до отъезда. Восточные женщины такое чувствуют.

Ребёнок. Амира. Во мне.

Я прислонилась к стене. Бетон — холодный, мокрый. Амулет — на груди, горячий. И где-то внутри — то, чего я ещё не чувствовала, но что уже было. Живое.

— Ты поедешь со мной, — Акбар повторил. Не вопрос. Утверждение. — Как моя жена. Для безопасности. Для ребёнка.

— Жена?

— Формально. Бумага. Печать. Мне — гарантия, что шейх не заберёт наследника Амира. Тебе — защита. Амир мёртв, Ирис. Для всех — мёртв. И ребёнок его — в опасности. Шейх, если узнает...

— Амир не мёртв.

Акбар помолчал. Долго.

— Мне жаль. Мёртв. Его нашли в камере. Официально — остановка сердца. Неофициально... Неважно. Его больше нет.

Коридор поплыл. Лампочки — вверх, пол — вниз. Акбар держал меня — крепко, за оба плеча.

— Дыши. Ровно. Не теряй сознание. Ребёнку вредно.

Ребёнку. Моему ребёнку. Ребёнку Амира.

Амира, которого больше нет.

Я дышала — ровно, как он велел. Считала вдохи. Один. Два. Три. Мама учила: когда страшно — считай. Нет — это Бэлла учила Амира. А Амир — мне. Вот так: по цепочке, от матери к сыну, от сына — ко мне.

— Я поеду, — тихо. — Ради ребёнка. Только ради ребёнка.

Акбар кивнул. И повёл меня к выходу — через тёмный коридор, мимо закрытых дверей, мимо охранников, которые расступались перед ним, как вода перед камнем.

А я шла и держалась за амулет. Единственное, что осталось от человека, которого я любила. Которого — больше нет.

# ГЛАВА 2.

## ИРИС

Самолёт — частный, с кожаными креслами и баром, который стоил дороже, чем квартира моих родителей. За иллюминатором — облака, густые, белые, и ничего больше. Ни земли, ни неба — только вата, в которой мы летели, как в коконе.

Акбар сидел напротив. Пил что-то прозрачное из стакана — тоник? Вода? — и смотрел на меня с тем выражением, которое я уже научилась читать: оценка. Не мужская, не хищная — деловая. Он считал. Просчитывал — меня, ситуацию, варианты.

— Ешь, — он кивнул на поднос с фруктами и соком. — Ребёнку нужны витамины.

— Откуда ты знаешь, что я беременна? Я сама не знала.

— Зарема. Она заметила ещё в Эмиратах — до твоего отъезда. Сказала мне.

— Зарема — твоя мать.

Он поднял глаза от стакана. Впервые за весь перелёт — что-то мелькнуло в этих каменных глазах. Не тепло — трещина. Маленькая, быстрая, тут же затянувшаяся.

— Да. Моя мать.

— Она вырастила Амира. После гибели Бэллы. Она — всё, что у него было.

— Я знаю. Я тоже был всем, что у него было. Мы были братьями.

— А теперь?

Акбар поставил стакан на столик. Медленно, точно, как ставят фигуру на шахматную доску.

— Теперь — он мёртв. И я забочусь о его ребёнке. Так устроен мир, Ирис: когда брат уходит — ты берёшь на себя его долги. Все.

— Я — его долг?

— Ты — его наследство. И ребёнок — его наследство. Разница — тонкая.

Стюардесса — высокая брюнетка в форме, с неестественно яркими губами — принесла ещё сока. Поставила передо мной и задержалась — на секунду дольше, чем нужно, бросив взгляд на Акбара. Тот не отреагировал.

— Юлия, оставь нас.

Она ушла. Я проводила её взглядом — и поняла: его женщина. Одна из. По тому, как она двигалась рядом с ним — мягко, послушно, с тем рефлекторным подчинением, которое бывает не от любви, а от привычки.

— Акбар. Зачем тебе это? По-настоящему. Ты мог оставить меня Аресу. Мог — не вмешиваться. Зачем?

Он откинулся в кресле. Смотрел на меня — долго, неотрывно. Потом:

— Потому что Амир любил тебя. Единственную за всю жизнь — тебя. Я это видел. И слышал. И знал. Мы с ним

разговаривали за день до того, как его... До того, как всё случилось. Он говорил только о тебе. О твоих глазах. О том, как ты пахнешь. О том, что хочет от тебя ребёнка. И я подумал: если он умрёт — а я уже тогда знал, что его хотят убить, — я должен позаботиться о том, что для него было главным. О тебе.

Красиво. Убедительно. Почти — правдоподобно.

— А что получаешь ты?

— Жenu. Формально. Для статуса. В моём мире одинокий мужчина без семьи — слабость. А мне слабостей хватает.

Он не уточнил, каких. Я не спросила. Но что-то в его голосе — в этом последнем слове, «хватает» — зацепило. Как рыболовный крючок — маленький, острый, незаметный.

— Ты любил его? Амира?

— Как брата. Больше, чем брата. Он — единственный человек, ради которого я готов был умереть. И единственный, ради которого — живу.

Тишина. Гул двигателей. Облака за иллюминатором.

— Я не буду тебе женой, — тихо, но твёрдо. — По-настоящему. Ты это понимаешь.

— Понимаю. Мне и не нужно. Мне нужен ребёнок в безопасности. И ты — в безопасности. Остальное — неважно.

— Неважно, — я повторила это слово и почувствовала его вкус — горький, пустой.

За иллюминатором — всё те же облака. Под ними — где-то далеко — Россия, мои родители, мой прежний мир. А впе-



реди — Эмираты, чужой мужчина, который называет себя моим мужем, и ребёнок, о котором я узнала час назад.

И Амир — мёртв.

Я повторила это себе — как повторяют молитву, как заклинание, как попытку поверить в то, во что поверить невозможно.

Амир мёртв. Амир мёртв. Амир...

Амулет на моей груди — горячий. Как будто живой. Как будто несогласный.

# ГЛАВА 3.

## ИРИС

Россия. Петербург. Квартира, которую Акбар снял в центре — две комнаты, высокие потолки, вид на канал. После дворца Амира — коробка. После подвала Ареса — рай.

Акбар привёз меня обратно через три дня — оказалось, его бизнес в России, не в Эмиратах. Я не спрашивала, какой именно. Не хотела знать.

Первую неделю я лежала. Просто лежала на кровати и смотрела в потолок. Белый, без золотых звёзд, без росписи — просто потолок. И мне этого хватало. Лежать и не двигаться. Не думать. Не чувствовать.

Зарема приехала на второй день — постаревшая, с тёмными кругами под глазами. Обняла меня так, что я не могла дышать, и шептала: «Дитя моё, дитя моё» — и от этого шёпота что-то внутри меня наконец треснуло, и я заплакала. Впервые за всё время — с похищения, с Ареса, с Акбара — заплакала. Тихо, без звука, и Зарема гладила меня по голове и молчала, потому что слова были не нужны.

— Мидас жив, — она сказала это, когда я немного успокоилась. — Три пули. Выжил. Его лечат. Амир... Амир бы гордился им.

Амир. При звуке его имени — каждый раз — что-то внутри сжималось. Как судорога, как спазм. Я не могла произно-

сильно его имя вслух. Не могла думать о нём дольше нескольких секунд, потому что за секундами — пропасть. Бездонная, чёрная.

Врач пришёл на третий день. Молодой, с породистым лицом и очками, которые он нервно протирал каждые две минуты. Акбар привёл его — без спроса, без «хочешь ли ты».

— Ирис, это доктор Виталий Владимирович. Он тебя осмотрит.

— Я не...

— Это не обсуждается. Ребёнок.

Осмотр. Анализы. Слова, от которых мир снова покачнулся:

— Восемь недель. Беременность подтверждена. Развивается нормально, но... Ирис, у вас проблемы с почками. Камни. И одна почка — в плохом состоянии. Вам нужно наблюдение. Серьёзное.

Почки. Ребёнок. Наручники оставили следы на запястьях, подвал оставил простуду, стресс оставил бессонницу — и ко всему этому добавились камни в почках.

— Это лечится?

— Лечится. Но вам нельзя нервничать. Категорически.

Нервничать. Категорически нельзя. А в остальном — всё прекрасно: я беременна от мёртвого человека, формально замужем за его бывшим другом, мои родители считают, что я сбежала, и у меня камни в почках.

Не нервничать? Легко.

Звонок отцу произошёл случайно. Акбар оставил телефон на столе — ненадолго, на пять минут, пока вышел. Я схватила его и набрала номер. Руки тряслись так, что промахнулась дважды.

Гудок. Второй. Третий. Щелчок.

— Алло?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.